

КАМЕНЬ. БУМАГА

Выставка «Камень и бумага» в Эрарте объединяет скульптуру Юлии Тутатчиковой и авторские копии карельских наскальных изображений, выполненные Светланой Георгиевской. Встреча двух художников, которых формально связывает материал — бумага, произошла случайно, но, вероятно, имеет магическую природу.

Юлия Тутатчикова работает с папье-маше — создает формы и смыслы из хрупкой волокнистой массы, превращая ее в камень. В экспозиции представлены работы из разных серий: иллюстрации к сказочным повестям об Алисе Льюиса Кэрролла, маски и изображения животных, вдохновленные первобытным искусством. По легенде, цветные рисунки в пещере Альтамира открыл миру возглас девятилетней девочки: «Папа, папа, смотри, нарисованные быки!» Именно эта фраза приходит на ум, когда разглядываешь лаконичные, «построенные» из линий скульптуры автора. Здесь уместно вспомнить еще один исторический анекдот, согласно которому Пабло Пикассо, увидев росписи в пещере Шове, произнес: «С тех пор мы ничему новому не научились».

Художник **Светлана Георгиевская** с помощью рисовой бумаги снимает в натуральную величину копии петроглифов, выбитых на гранитных скалах Онежского озера и Беломорья. Затертые ветрами и волнами, часто едва различимые образы, созданные в эпоху неолита, благодаря особой технике проявляются на бумаге из небытия — обретают четкость и стремятся стать самооценными высказываниями. Уникальность петроглифов Карелии, которые датируются приблизительно IV тысячелетием до нашей эры, состоит в том, что это не отдельные изображения, а многофигурные композиции, выбивавшиеся на прибрежных скалах в разное время разными авторами. Так в выставочном пространстве, помимо работ двух современных художников, присутствуют еще и творения безымянных мастеров каменного отбойника.

О жизни людей каменного века известно многое, однако утверждать о ней что-либо наверняка невозможно. Это порождает всевозможные фантазии и стремление прикоснуться к жизни древних, в том числе посредством искусства.

Современные исследователи все чаще склоняются к тому, что наскальные росписи создавались как произведения искусства, а не как магические заговоры для охоты. Отягощенный бытовыми нуждами человек все-таки не был столь наивен, чтобы верить, что повстречать и убить быка можно, как только шаман проткнет линией изображение на каменной стене. Получается, скопления петроглифов — это не места стоянки у очага, а своеобразные общественные клубы сродни музеям современного искусства; внешне эффектные, умышленно созданные группами творцов пространства, где люди получали определенный эстетический опыт: слушали мудрые речи, проводили обряды инициации и, возможно, обсуждали актуальные проблемы. Наличие среди рисунков фантастических образов: зооморфов или знаменитого карельского «беса» с гипертрофированным половым членом — свидетельство скорее живости воображения, чем бытовой магии.

Однако существуют и иные суждения. Самое радикальное из них гласит, что древний человек не разграничивал действительность и фантастическое пространство сна, то

есть жил в потоке образов. В целом, это не столь далеко от идей современных психоаналитиков. Гилберт Честертон в эссе, посвященном юбилею Льюиса Кэрролла, отмечал, что появление книг об Алисе и самого нонсенса — нагромождения абсурдных образов, дающих отдых рассудку, — обусловлено ситуацией викторианского двоемирия. Прагматичное, рутинное существование в борьбе за материальные блага неминуемо прерывалось сном, где человек попадал во власть духов и не зависящих от него обстоятельств. Привычные навыки, умения и знания во сне, как и в трансе эстетического переживания, довольно бесполезны. Выставка «Камень. Бумага», где неолитическая фантастика соседствует с пластическими фантазиями молодого художника, «сложилась» по рецепту Честертон — это «каникулы для ума», позволяющие ненадолго забыть о современности и погрузиться в детство человечества.

Павел Маркойтис